

46. Searle J.R. Making the Social World: The Structure of Human Civilization. – Oxford University Press, 2010. - 224 с.

47. Whitehead A.N. Modes of Thought. – Cambridge: Cambridge University Press, 1938. - 241 с.

48. Wierzbicka A. Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. – New York: Oxford University Press, 1992 – 486 с.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ИДЕОЛОГИЯ В ФАНТАСТИКЕ: ГЕНЕЗИС И ПЕРСПЕКТИВЫ

Твердынин Н.М.

Академия гражданской защиты МЧС России имени генерал-лейтенанта

Д.И. Михайлика,

кафедра химии и материаловедения, профессор

Для научной фантастики практически на всём протяжении её существования характерно создание различных социальных моделей, которые предлагали читателю самые разнообразные общественные устройства для описываемых в этих произведениях социумов. При этом пути достижения мироустройства, описываемого автором, или же не рассматривались, или предлагались практически два основных пути, которые с определённой долей условности можно назвать эволюционным и революционным. Оба этих подхода идеологизированны, соответствуя мировоззрению автора фантастического произведения, а в ряде случаев – и социальному заказу, в большей или меньшей степени влияющему на процесс создания любого произведения. В последние десятилетия идеология стала одной из составляющих не только фантастических книг, но и фильмов, сериалов и компьютерных игр, относимых к фантастической тематике, и даже проникла в такой конкурирующий с научной фантастикой жанр, как фэнтези.

Ключевые слова: фантастика, идеология, политика в фантастической литературе, революция и эволюция, политическая рефлексия, социально-политические процессы, социальный заказ.

Тема, заявленная в заголовке статьи, достаточно «возрастная», поскольку фантастика изначально показывала альтернативные пути развития и, естественно, не могла оставаться в стороне от политической жизни общества. Предлагая читателю утопии или антиутопии, автор фантастического произведения всегда в явной или скрытой форме вступал в политический диалог с официальной идеологией, поддерживая её или осуждая. При этом позитивная поддержка автором существующего политического строя могла быть с определёнными рекомендациями по эволюционной трансформации общества, а негативная – могла сдерживать обычно скрытые или даже прямые призывы к изменению существующих политических реалий. Война идеологий – вещь очень давняя. Уже с Античности самые разные авторы объясняли, что религия, обычаи, привычки наших противников – это совсем не наше, это варварство, а мы несем миру

свет и добро. Соответственно, получаем моральное право истребить всё, что противится нашему мирному и доброму. Иными словами, получали идеологическое обоснование политическим действиям, причём как внешним, так и внутренним. Основной тезис данной статьи может быть выражен в последовательности вопросов: Можно ли говорить, что фантастика вне политики? Или же полагать, что практически всегда существует активное взаимодействие между политикой и фантастической литературой. И наконец, насколько эти две крайние точки зрения соотносятся в реальности?

Понятно, что даже исходя из самых общих соображений, любому человеку, относительно широко знакомому с фантастической литературой, ответ не представляется однозначным. Вероятно, нет. Можно ли говорить, что фантастика противостоит политике? И да, и нет, в зависимости от позиции автора. Поэтому в качестве рабочей гипотезы примем, что фантастика находится внутри политики, а политика в своем прогностическом содержании очень часто рядится в одежды фантастики. Постараюсь пояснить данное положение рядом примеров из классической фантастики.

Вероятно, логично начать с того, как именно такую политику на первобытном уровне взаимодействия с обществом воспринимал Герберт Уэллс. (Предполагаю, что самые читаемые у нас пожилым поколением английские авторы – А. Конан Дойл и Г. Уэллс.) Эти писатели в политическом плане по своему восприятию общества были полными антагонистами. Говоря современным языком, Уэллс был человеком исключительно левых взглядов, а Конан-Дойл – человеком консервативного мышления. Фантастика Конан Дойла (она относительно невелика, главным образом – челленджерский цикл), где мы видим у него замечательно описанную фигуру чудаковатого ученого – профессора Челленджера, находящегося в общем-то вне политики.

Г. Уэллс – это человек, который все время был, начиная со своей юности, политизирован. Это заметно даже в его нефантастических произведениях, где он показывает, можно сказать, не слишком исследованный сегмент в отечественном литературоведении: повесть «Любовь и мистер Льюишем» и роман «Тоно Бенге». Там изображены не просто учёные, а учёные во взаимодействии с социумом. (Этот подход нашёл продолжение в реалистической литературе, достаточно вспомнить популярные в советское время романы Даниила Гранина «Искатели», «Иду на грозу».)

В маленьком рассказе «Бог Динамо» Г. Уэллс пишет о неграмотном дикаре, который попадает в Лондон и начинает воспринимать как божество огромную динамо-машину, которая для нас сейчас выглядит, конечно, полнейшей архаикой. Но в итоге он «скармливает» инженера этому, как ему кажется, божеству. Г. Уэллс здесь задаётся вопросом о соотношении общества, религии и технического прогресса, дескать только возникла религия и сразу же умерла, но уже получила свой символ, свою жертву и своего мученика.

В своих произведениях Г. Уэллс всё время рассуждает с точки зрения человека, который противостоит тогдашнему обществу. Почему он

социалистом стал, почему он в конце жизни вступает в компартию? А потому, что во всех его произведениях есть моделирование борьбы, политической борьбы разными методами против того общества, которое существует. Это противостояние выражается в разных формах. Это и антиутопии, и в определённой степени, даже «Война миров» или «Война в воздухе» и «Освобождённый мир», где социальное преобразование происходит через всемирную катастрофу. (Во второй половине XX века аналогичную схему рассматривает Джон Уиндем в своём «Дне триффидов».) Но, в принципе, произведения Уэллса можно рассматривать как определённые попытки проиграть ситуацию в политическом поле. Это у него присутствует. Да, чаще неявно. Но если мы возьмём каждое произведение в отдельности и рассмотрим через идеологическую призму, то мы увидим, что это действительно так.

Анализируя таким же образом хорошо всем известную сказку Джанни Родари «Чиполлино», можно увидеть, что фантастические элементы прописаны в ней достаточно явно, хотя и в меньшей степени, чем социальные; перед нами своего рода учебник политической борьбы. В принципе, эта сказка в самой Италии до сих пор известна, но считается достаточно экстремистской. Именно в силу того, что там четко показано, как изменить политический строй и как каждый из героев будет себя вести, олицетворяя при этом какую-либо социальную группу.

Рассматривая творчество Жюль Верна, можно так же обнаружить политические мотивы, соответствующие взглядам автора. Например, такой роман, как «Флаг Родины», (не особо известный по сравнению с другими), в котором Жюль Верн забывает про свой обычный гуманизм. Роман четко направлен на то, чтобы показать противостояние той (пусть и не без недостатков) политической системы, которая есть во Франции, и той нехорошей, которая есть в Германии, и которую надо победить.

Если углубиться ещё более вглубь по шкале времени, то придём к первому коммунисту и автору «Утопии» Томасу Мору. На протяжении многих поколений эта книга большинством воспринималась как чистейшая фантастика. Но ведь в ней присутствует не просто моделирование. Оно есть и у Т. Кампанеллы, но у Мора оно качественно другое. Ведь он был одним из самых успешных, плюс-минус для той эпохи, премьер-министров Англии. Поэтому его описание во всех деталях не просто политическое моделирование, а политико-экономическое и одновременно организационное. После него и до К. Маркса экономические аспекты другими философами-утопистами не поднимались. Удивительно то, что, если взять современное законодательство, современные юридические положения и нормы в европейских странах и, более того, даже некоторые их социальные гарантии, которые первые обеспечили большевики, придя к власти, то мы увидим почти буквальное цитирование, если мы стилистику немного изменим, как раз из Томаса Мора.

Ну а кто же вступает пару столетий спустя в серьёзную полемику с Т. Мором? Дж. Свифт. Два англичанина, несколько разнесенные во времени. Свифт выдаёт множество именно политических систем и ситуаций и сравнивает их. Почему? Потому что Свифт, помимо всего прочего, сам больше десяти лет работал в роли политического секретаря-референта при одном из ведущих членов парламента, как сказали бы сейчас – руководителя фракции. Поэтому в его социальную фантастику вмешивается, говоря современным языком, политический кластер.

Ну а что же у нас в России? У нас есть очень интересные вещи в плане политизации фантастики. Например, у Михаила Афанасьевича Булгакова. Почему? В первую очередь потому, что это был человек, который находился в стране, где правят те, кому он проиграл политически. И он «свою политику» начинает маскировать, свои политические, скажем, предпочтения. Да, он понимает, что он не может бороться с системой, которую внутренне не принимает. Поэтому вступает как фантаст на тот же путь, ну если хотите, фантастическо-сказочный. То есть Булгаков как фантаст тоже политизирован.

В дальнейшем в советской литературе постоянное политическое противостояние в фантастике стало практически обязательным, был социальный заказ. И тут интересно то, что хотя социальный заказ на политическую фантастику у нас был, но его выполнение приводило часто к противоположным результатам. Думается, ведь далеко не все у нас писатели имеют мастерство выше среднего, отсюда и работа по принципу «хотели как лучше, а получилось как всегда». Таким, например, был много раз обруганный критиками роман Александра Лаврентьевича Колпакова «Гриада», довольно известный в своё время.

Самое смешное, что как писатель Колпаков был достаточно бездарен. И что же получается с господином Колпаковым, с товарищем Колпаковым? Он выполняет социальный заказ, но выполняет его плохо. Но он при этом вдобавок, надо обратить внимание, в своей политизированной книге не удерживается от плагиата. Что-то списывает из «Аэлиты» Алексея Николаевича Толстого, что-то у Г. Уэллса, за что неоднократно официально и уличался в плагиате.

Думаю, сам А.Л. Колпаков был человек искренний. Человек в принципе неплохой, но жутко неудачливый, а самое главное – недостаточно талантливый. Войну провоевал солдатом, медаль «За отвагу», медаль «За боевые заслуги» заслужил, офицерские курсы закончил, в тяжёлой гаубичной батарее служил, закончил Военную Академию химической защиты. После сокращения вооружённых сил пытался найти себя как учёный, затем как писатель и его приход в научную фантастику закономерен. Написал несколько фантастических повестей, роман «Гриада». Очень политизированно, очень «за», очень по-советски. Но в начале 1990-х просто пропал без вести в поезде Ашхабад – Москва, никто не знает вообще, что с ним случилось. То есть просто неудачливый человек. Но политизирован он был. Как ему казалось, за хорошее дело ратовал, и в этом плане никаких претензий к ему предъявить

нельзя. Произведения Стругацких того времени тоже очень идеологизированны в советском ключе. А вот, если подумать, в политике, и справа и слева, ну не всем же быть такими занимательными, хорошо пишущими, как Роберт Хайнлайн или те же Стругацкие.

У этого автора (Хайнлайна) ведь тоже очень политизированны все произведения, просто до невозможности. Почему его практически не печатали у нас в советское время? Да потому, что тогдашняя советская политическая система (при чтении его книг) легко соотносится с той, которую представляют те же насекомые, с которыми воюют земляне. Это в свою очередь не может не приводить к тому, что общество становится тоталитарным. Деление на граждан и неграждан, предоставление гражданам особых прав [1, с. 182–183], война на безусловное уничтожение противника... Всё это очень выразительно показано в фильме «Звёздный десант».

Другим примером политического сопоставления в фантастике является трилогия Айзека Азимова «Транторианская империя» (в ряде изданий «Галактическая империя»), лежащая в основе целого направления фантастики, получившего особое распространение после сериала Джорджа Лукаса «Звёздные войны». У А. Азимова обосновывается сама идея галактической империи в бесконечном множестве и разнообразии цивилизаций [2, с. 25–40].

Существует и ещё один взгляд на политику применительно к достижениям научно-технического прогресса, который можно назвать умеренно-скептическим, по отношению к научной фантастике. При этом подходе научные достижения не могут не появляться, но чаще отвергаются социумом по многим, чаще всего социальным причинам. Иными словами, не всякая «сказка станет былью», если отсутствует социальный заказ, то шансов на это практически нет, остаётся фантазировать. Наиболее концентрированно он выражен в новелле Уильяма Голдинга «Чрезвычайный посол» [3, с. 217–304].

И в заключение хочется сказать, что политика в фантастике будет присутствовать всегда, хотим мы или не хотим. Почему? Потому что, даже уходя от политики, как многим кажется, погружаясь в чистую фантастику, всё равно каждый автор даёт свое понимание социума. Отсюда следует, в явном или неявном виде, его политизация касательно того, что написано.

Список литературы

1. Хайнлайн Р. Звёздные рейнджеры / Роберт Ханлайн/Собрание сочинений в 3 т. Т.2, Двойная звезда: Фантастические романы: пер. с англ./ Сост. Н. Орехов; Илл. В. Рулькова, К. Ващенко, С Войченко. – Мн.: Эридан, 1993. 336 с.
2. Азимов А. Транторианская империя / Айзек Азимов, Транторианская империя/ Москва. "Вече" 1993. 378 с.
3. Голдинг У. Бог-скорпион. Клинк-клонк. Чрезвычайный посол: [новеллы; пер. с англ.] /Уильям Голдинг. – М.: АСТ: Астрель. 2011.315 с.